Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 253–262
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2025;(1):253–262
Проблемы социологии

Научная статья
УДК 316.35
https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-253-262 EDN QJOUWW

Социальные ожидания и ценностные ориентации дагестанской молодежи

Мадина Магомедкамиловна Шахбанова

Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук,
Махачкала, Россия, madina2405@mail.ru

Аннотация

Введение. В силу полинациональности и полиэтничности Российского государства, поведение молодого поколения в разных регионах обладает как сходством, так и отличием, иной системой ценностных ориентаций, социальных ожиданий. Примером является современное дагестанское общество, в котором наблюдается мощный процесс религиозного возрождения, в итоге ислам и исламские духовные лица стали лидерами общественного мнения, авторитетом для молодого поколения дагестанцев. Социальные ожидания молодого поколения, как правило, тесно связаны с финансовым положением семьи и, по мнению автора, материальный компонент является ключевым фактором, определяющим поведение человека. Уровень благосостояния создает различные стартовые условия для молодежи, позволяет ей более быстрыми темпами достичь поставленных целей.
Цель. Установление степени влияния фактора бедности на жизненные цели, во-первых, как ограничивающего компонента, во-вторых, как стимулятора стать богатым, в-третьих, в качестве мотиватора выйти в круг «успешных людей».
Методы. Опрос по изучению ценностей и стратегии поведения молодого поколения дагестанцев проведен в гг. Махачкала, Дербент, Кизилюрт, Хасавюрт, Ботлихском, Дербентском, Казбековском, Кизлярском, Кумторкалинском, Левашинском районах методом случайного отбора.
Результаты. Экономическое поведение дагестанской молодежи, процесс ее адаптации к рыночной системе, а также восприятие и оценка рыночной идеологии является одним из актуальных вопросов в рамках исследования социального самочувствия молодого поколения. Прошедший исторический период демонстрирует включенность молодого поколения дагестанцев в рыночные отношения, потребность адаптироваться к условиям рынка, стремление к финансовой независимости, имеет место подработка в частном секторе экономики.
Выводы:
– эмпирический материал констатирует доминирование в массовом сознании молодого поколения дагестанцев оценки уровня благосостояния как среднего («мы живем как все») при одновременном утверждении «очень хорошее»;
– аналитика показывает обозначение опрошенной дагестанской молодежью отличий между богатой и бедной слоями общества: доминирует утверждение о возможности богатых людей создать для своих детей «лучшие стартовые возможности»;
– опрошенная дагестанская молодежь, независимо от благосостояния своей семьи, претендует на высокое материальное положение («стать богатым человеком»), то есть на притязания не влияет уровень материального положения: бедно живущая социальная группа стремиться стать богаче и подняться в категорию обеспеченного сословия;
– установлено, что состояние материального положения является ключевым стимулом в определении своего будущего и дагестанская молодежь ориентирована на «открытие собственного дела» и поиск высокооплачиваемой работы;
– материальную обеспеченность респонденты связывают исключительно с личными качествами и собственным потенциалом;
– эмпирический материал констатирует характерные молодому поколению дагестанцев оптимизм, целеустремленность и стремление к самореализации при позитивном восприятии состоятельного социального слоя.

© Шахбанова М. М., 2025

Ключевые слова: дагестанская молодежь, благосостояние, материальное положение, социальные ожидания, социально-экономическое положение, экономическое поведение, ценностные ориентации, самореализация, целеустремленность, жизненный успех, успешность

Для цитирования: Шахбанова М. М. Социальные ожидания и ценностные ориентации дагестанской молодежи // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 253–262. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-253-262. EDN QJOUWW

Sociology Problems

Original article

Social expectations and value orientations of Dagestan youth

Madina M. Shakhbanova

Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia,
madina2405@mail.ru

Abstract

Introduction. Due to the polynationality and polyethnicity of the Russian state, the behavior of the younger generation in different regions has both similarities and differences, a different system of value orientations, and social expectations. An example is the modern Dagestani society, which is experiencing a powerful process of religious revival, as a result, Islam and Islamic clerics have become leaders of public opinion and an authority for the younger generation of Dagestanis. The social expectations of the younger generation, as a rule, are closely related to the financial situation of the family and, according to the author, the material component is a key factor determining human behavior. The level of well-being creates different starting conditions for young people, allowing them to achieve their goals more quickly.

Purpose. Establishing the degree of influence of the poverty factor on life goals, firstly, as a limiting component, secondly, as a stimulant to become rich, and thirdly, as a motivator to enter the circle of "successful people".

Methods. A survey on the values and behavior strategies of the younger generation of Dagestanis was conducted in Makhachkala, Derbent, Kizilyurt, Khasavyurt, Botlikh, Derbent, Kazbekov, Kizlyar, Kumtorkalinsky, Levashinsky districts by random selection.

Results. The economic behavior of Dagestani youth, the process of their adaptation to the market system, as well as the perception and assessment of market ideology is one of the topical issues in the study of the social well-being of the younger generation. The past historical period demonstrates the involvement of the younger generation of Dagestanis in market relations, the need to adapt to market conditions, the desire for financial independence, and part-time work in the private sector of the economy.

Conclusions:

– empirical material states the dominance in the mass consciousness of the younger generation of Dagestanis of the assessment of the level of well–being as average ("we live like everyone else") while stating "very good";

– analytics shows the designation of differences between rich and poor strata of society by the interviewed Dagestani youth: the dominant statement is about the ability of rich people to create for their childrenthe best starting opportunities";

– the Dagestani youth surveyed, regardless of the well-being of their family, claims to be in a high financial position ("to become a rich man"), that is, their claims are not affected by the level of their financial situation: a poor social group strives to become richer and rise to the category of a wealthy class;

– it has been established that the state of financial situation is a key incentive in determining their future, and Dagestani youth are focused on "starting their own business" and finding high-paying jobs;

– respondents associate financial security solely with personal qualities and their own potential;

– the empirical material states the optimism, determination and desire for self-realization characteristic of the younger generation of Dagestanis with a positive perception of the wealthy social stratum.

Keywords: Dagestan youth, well-being, financial situation, social expectations, socio-economic status, economic behavior, value orientations, self-realization, purposefulness, life success, success

For citation: Shakhbanova M. M. Social expectations and value orientations of Dagestan youth. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2025;(1):253-262. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-253-262. EDN QJOUWW

Введение

Очень часто можно услышать высказывание «Вот раньше молодежь была другая!» и в этой связи хочется задать вопросы: «Какой раньше была молодежь?», «Какая сейчас молодежь?», «Чем отличаются они (предыдущее и нынешнее поколения молодежи) между собой?», «Каковы критерии оценки морального облика современного молодого человека?». Разумеется, молодое поколение советского, постсоветского и современного периодов кардинально отличается между собой и для этого имеются объективные причины как изменение социально-экономического и политического устройства Российского государства (вернее, распад СССР и образование на его территории новых государственных образований), экономические реформы перестроечного периода и формирование рыночной экономики, преобразования в образовательной системе (Болонская система), религиозный ренессанс, ориентация официальной власти на либерализацию экономики и либеральные ценности – все это в совокупности способствовало формированию новой модели взаимоотношений, новых ценностей и символов в российском обществе. Естественно, что в эти процессы было вовлечено молодое поколение, причем по-разному: одна часть активно участвовала в жизни общества, стремилась получить хорошее образование, востребованную специальность и самореализоваться, другая часть оказалась в молодежных группировках, которые больше были связаны с преступностью, вели асоциальный образ жизни. Поэтому справедливой является точка зрения А.В. Петрова, что ключевым фактором, обеспечивающим «активность молодежи в реализации проводимых реформ, становлении экономически сильной, политически стабильной России, является социально-психологический настрой, готовность действовать в соответствии с определенными общественными установками и ценностными ориентациями» [1, с. 83].

Разумеется, в силу полинациональности и полиэтничности Российского государства, поведение молодого поколения в разных регионах обладает как сходством, так и отличием, иной системой ценностных ориентаций, социальных ожиданий. Примером является современное дагестанское общество, в котором наблюдается мощный процесс религиозного возрождения, в итоге ислам и исламские духовные лица стали лидерами общественного мнения, авторитетом для молодого поколения дагестанцев.

Социальные ожидания молодого поколения, как правило, тесно связаны с финансовым положением семьи и, по мнению автора, материальный компонент является ключевым фактором определяющим поведение человека, уровень благосостояния создает различные стартовые условия для молодежи, позволяет ей более быстрыми темпами достичь поставленных целей. Экономическое положение современной России характеризуется волнообразностью, на смену стабилизации приходит дестабилизация, рост инфляции, непонятная для населения экономическая политика. При этом официальная власть акцентирует внимание на важности социальной политики и социальных выплат, поддержку малоимущих и многодетных семей, оказание помощи социально незащищенным группам населения. Поэтому «отсутствие стратегических целей, а также системы само собой разумеющихся норм и ценностей, составляющих основу любого стабильного общества, плюс дефицит осмысленной информации, позволяющей понять, что с нами происходит… привело к массовому "созидательно-разрушительному" поведению, высвобождению огромной энергии социального распада, эмиссия которой резко активизировала производство многочисленных рисков, усилила действие конфликтогенных факторов во всех основных сферах жизнедеятельности общества» [2, с. 68]. Иными словами, можно отметить слабость механизмов социальной защиты, при полном или частичном отсутствии возможностей для развития предпринимательства, что, в свою очередь, способствует воспроизводству бедности и снижает шансы молодого поколения на мобильность.

Экономическое поведение молодого поколения россиян широко исследуется в рамках социологии молодежи, в частности, в работах С. Н. Быковой и В. И. Чупрова [3], Е. Я. Варшавской [4], А. В. Жаворонкова [5], М. К. Горшкова и Ф. Э. Шереги [6], П. М. Козыревой и А. И. Смирнова [7], Д. Л. Константиновского и Е. С. Поповой [8], И. С. Тихоцкой [9], А. Л. Темницкого [10]и др.

Таким образом, в статье рассматриваются социальные ожидания, отношение к состоятельному слою и экономическое поведение молодого поколения дагестанцев.

Материалы и методы

Опрос по изучению ценностей и стратегии поведения молодого поколения дагестанцев проведен в гг. Махачкала, Дербент, Кизилюрт, Хасавюрт, Ботлихском, Дербентском, Казбековском, Кизлярском, Кумторкалинском, Левашинском районах методом случайного отбора. N=843. Распределение по социально-демографическим параметрам: а) пол: мужчины – 409 чел. (48,5 %), женщины – 439 чел. (51,5 %); б) возраст: 15–17 лет – 286 чел. (33,9 %), 18–25 лет – 298 чел. (35,6 %), 26–35 лет – 259 чел. (30,5 %); в) образование: неполное среднее – 127 чел. (15,1 %), среднее – 254 чел. (30,1 %), среднее специальное – 239 чел. (28,3 %), высшее – 223 чел. (26,5 %). Опрос проведен путем раздаточного анкетирования. В анкете 27 полузакрытых вопросов (407 позиций), то есть респондентам предоставлена возможность свободного выражения своего мнения и не «навязывается» мнение исследователя. Из розданных 1000 анкет пригодными для анализа оказались 843 штук, обработка полученного социологического материала проведена в программе FAR.

Результаты и обсуждение

Какое экономическое поведение ближе дагестанской молодежи? Чтобы получить ответ на этот вопрос в анкету социологического опроса был включен блок вопросов, позволяющий получить исчерпывающую информацию об отношении молодежи к состоятельному сословию и ее экономические притязания. Полученный на вопрос «Как Вы оцениваете материальное положение Вашей семьи?» материал показывает превалирование в общественном сознании опрошенного молодого поколения дагестанцев, с большим преимуществом, оценки материального положения своей семьи как «мы живем как все – не бедные, но и не богатые» (62,8 %). С возрастом и повышением уровня образования респондентов увеличивается процентный параметр отметивших данное суждение с 53,7 % в интервале 15–17 лет до 71,4 % в когорте 26–35 лет, с 59,8 % имеющих базовое среднее образование до 72,1 % с высшим образованием. При этом 29,6 % опрошенных «живут очень хорошо», среди них одна треть в возрастных подмассивах 25 лет включительно, а также подгруппы с базовым средним, средним и средним специальным образованием; доля таковых существенно меньше в когорте имеющих высшее образование (18,9 %) и в возрастном разрезе 26–35 лет (12,2 %). То есть подмассив, который, во-первых, старше (видимо, имеет семью, детей), во-вторых, имеет высокий образовательный статус и квалификацию материальное положение своей семьи оценивает не очень высоко. Суждения «материальное положение моей семьи хуже, чем у большинства семей моих сверстников» и «мы живем за гранью бедности» отмечены небольшой долей респондентов – 4,2 % и 3,4 %, соответственно.

Анализ по социально-демографическому срезу показывает, что характеризующих материальное положение как «хуже, чем у моих сверстников» больше в интервале 26–35 лет (15,3 %), а 9,8 % респондентов со средним образованием «живут за гранью бедности». Характеристика заметной частью опрошенных материального положения своей семьи как «очень хорошее» воспринимается скептически, ибо, во-первых, Дагестан дотационная республика, во-вторых, по мнению автора, выбор данного суждения обусловлен психологическим фактором – человеку стыдно признаться в том, что он и его семья живут хуже окружающих, следовательно, не в состоянии удовлетворять свои материальные и духовные потребности. Реалии свидетельствуют о том, что, например, молодому поколению, за редким исключением, сложно купить собственное жилье, приобрести машину, ездить на отдых, получить хорошее образование и т.д. Есть когорта населения, которая «живет от зарплаты до зарплаты», но стесняется в этом признаться.

Какие действия способны улучшить благосостояние дагестанской молодежи, с кем она связывает свое будущее, какие шаги готова предпринимать? – чтобы получить информацию на эти вопросы в авторском исследовании был задан вопрос «От кого зависит улучшение Вашей жизни?». Эмпирика констатирует надежду подавляющей части опрошенного молодого поколения дагестанцев только на собственные силы (76,8 %). Аналитика по социально-демографическим признакам показывает, что доля таковых, при внутригрупповом сравнении, больше в разрезе 18–25 лет (80,5 %), а также в подмассивах со средним (75,6 %) и средним специальным образованием (79,8 %). Установлено различие по типу поселения респондентов: в улучшении собственного благосостояния сельская молодежь ориентируется на личный потенциал (80,1 %),

доля городской молодежи меньше (73,4 %). Свое «лучшее будущее» 24,6 % молодого поколения дагестанцев связывает с ближним кругом окружения, среди них выделяются возрастные подгруппы 15–17 лет (29,0 %) и 18–25 лет (25,0 %), а также 31,7 % с базовым средним и 30,6 % со средним образованием. Далее, 11,9 % респондентов придерживаются позиции о необходимости получения помощи со стороны федеральной, 8,6 % республиканской и 4,2 % муниципальной властей. О чем свидетельствуют результаты опроса? По мнению автора, опрошенная дагестанская молодежь не ожидает помощи со стороны (от власти), поэтому надеется только на себя и свои силы, какая-то часть и на ближнее окружение. Такая тенденция вызывает определенный оптимизм, уверенность о наличии жизненной стратегии у молодых жителей Дагестана, их готовность самостоятельно достичь определенных целей.

Установление социального оптимизма у опрошенного молодого поколения требует анализа мер, которых респонденты готовы предпринять для повышения своего и своей семьи благосостояния (см. табл. 1).

Таблица 1 – Распределение ответов на вопрос «Какие шаги Вы предпримете, чтобы улучшить свое материальное положение?» (%)

Table 1 – Distribution of answers to the question "What steps will you take to improve your financial situation?" (%)

Варианты ответов	%
Открою собственное дело (салон красоты, автосервис, домашнюю выпечку и т.д.)	41,2
Найду высокооплачиваемую работу	35,7
Устроюсь на несколько работ	7,8
Организую фермерское хозяйство	4,4
Буду самозанятым (оказывать услуги косметолога, швеи, выпекать сладости, полуфабрикаты на продажу)	7,5
Пока не знаю, но что-нибудь придумаю	18,5

Результаты ответов на «контрольный вопрос» «Какие шаги Вы предпримете, чтобы улучшить свое материальное положение?» показывают, что 41,2 % опрошенных по всему массиву планируют «открыть собственное дело (салон красоты, автосервис, домашнюю выпечку и т.д.)», по гендерной принадлежности доля мужчин больше, в сопоставлении с женщинами – 43,9 % и 36,2 %, соответственно. Ориентированных на личный бизнес-проект больше в возрастных интервалах 15–17 лет (40,7 %) и 18–25 лет (46,8 %); по уровню образования наблюдается волнообразность – 41,5 % с базовым средним, 38,9 % средним, 50,0 % средним специальным и 23,8 % высшим образованием. Далее, 35,7 % опрошенного молодого поколения дагестанцев с целью улучшения своего материального положения готово искать высокооплачиваемую работу и здесь более активна подгруппа женщин (38,8 %), чем мужчин (34,0 %).

Можно сказать, что «легкий путь» повышения благосостояния характерен возрастным разрезам 15–17 лет (42,0 %) и 18–25 лет (36,6 %), а также респондентам с низким образовательным статусом – 34,1 % – имеющие базовое среднее, 38,9 % – среднее, 37,4 % – среднее специальное образование в сопоставлении с разрезом 26–35 лет (24,5 %) и 28,7 % – с высоким образовательным статусом.

Эмпирический материал позволяет предположить, что подмассив с высоким образовательным статусом и относительно старшее молодое поколение реально оценивают свой потенциал и возможности: как известно, не все виды работ высокооплачиваемы, более того, и не все могут получить такую вакансию. Далее, 18,5 % опрошенных не определились, соответственно, не могут «решить какие меры они предпримут», чтобы обеспечить удовлетворяющий лично себя уровень благосостояния. Повышение благосостояния 7,8 % респондентов усматривают в трудоустройстве на нескольких работах, здесь выделяется возрастная подгруппа 26–35 лет (25,5 %) и имеющие высшее образование (20,5 %). Далее, 7,5 % опрошенных решение вопроса материального благополучия усматривают в обозначении своего статуса как «самозанятый (оказывать услуги косметолога, швеи, выпекать сладости, полуфабрикаты на продажу и т.д.)». Пандемийный период, когда практически все мировое сообщество вынуждено было объявить локдаун, показал востребованность некоторой когорты профессий, возможность дистанционно

работать и иметь доход, особенно в частном секторе. Поэтому на государственном уровне поставили вопрос об обозначении статуса самозанятых, предоставления им определенных льгот и процесса налогообложения. Не является секретом, что многие на дому занимаются изготовлением полуфабрикатов, оказанием косметических услуг, шитьем и т.д. Как правило, они не подают налоговую декларацию и имеют «чистый доход», причем, который позволяет им держать семейный бюджет на достаточно высоком уровне. Статистически незначимая доля респондентов готова образовать фермерское хозяйство (4,4 %). Несмотря на то, что Дагестан аграрная республика, желающих трудиться на земле, как показывают данные исследования, немного. Разумеется, трудность обработки земли, зависимость получения урожая от природно-климатических условий, отсутствие достаточно эффективной помощи со стороны власти и ряд других факторов, создает определенные преграды желающим открыть фермерское хозяйство, хотя их открытие при высокой производительности труда, способно существенно улучшить ситуацию с аграрной продукцией на потребительском рынке, а также создать рабочие места. Кроме того, молодое поколение более мобильно, поэтому «лучше адаптируется к рыночным условиям; молодые в большей степени индивидуалисты, чем старшее поколение, в большей мере полагаются на свои силы» [11, с. 12].

В массовом сознании сложился стереотип об изначально заложенном в человеке чувстве зависти и негативного отношения к более успешному и состоятельному слою общества. Поэтому возникают вопросы «Как выглядит ситуация в реальности?», «На самом ли деле человек испытывает отрицательные эмоции к богатым людям?», которые показывают жизненные установки индивида. Автор не отрицает существования отрицательного восприятия состоятельного человека и недоверия, что честным трудом, без коррупции, совершения противоправных действий можно заработать большие деньги и стать богатым человеком. Хотя можно привести множество примеров успешных и состоятельных людей, сумевших обеспечить свое материальное благополучие благодаря исключительно личной трудоспособности и целеустремленности. Аналитический материал на вопрос «Как относятся в Дагестане к богатым людям?» демонстрирует наличие почти равных процентных показателей по суждениям «хорошо» и «безразлично» – 44,0 % 43,5 %, соответственно, при этом заметно меньшая доля респондентов «плохо» относится к богатым людям (10,5 %). Среди выбравших отрицательное суждение выделяются женщины (12,9 %), возрастные интервалы 15–17 лет (14,2 %) и 26–35 лет (13,3 %), имеющие базовое среднее (14,6 %) и среднее образование (16,1 %). Для нас интерес представляют результаты опроса через отношение респондентов к религии: плохо к состоятельным людям относятся 9,3 % самоидентифицирующихся как верующие, 11,0 % колеблющихся и 26,7 % неверующих. Дальнейший анализ показывает, что в подгруппе верующих заметная часть позитивно настроена к богатым, по сравнению, с неверующими и колеблющимися – 48,8 %, 10,0 %, 24,7 %, соответственно. Можно предположить, что знание религиозных постулатов оказывает определенное влияние на формирование ценностных установок.

Далее, в исследовании был задан «контрольный вопрос» «Лично Вы как относитесь к богатым людям?», показывающий характерную 39,9 % опрошенного молодого поколения точку зрения «не лучше и не хуже, чем ко всем остальным». При этом наблюдается увеличение процентного параметра придерживающихся данного суждения с повышением возраста и образования с 28,4 % в разрезе 15–17 лет до 52,0 % 26–35 лет, с 37,8 % имеющих базовое среднее образование до 53,3 % с высшим образованием. В разрезе отношения к религии данное суждение ближе 42,5 % верующих и существенно меньше процентный показатель в подмассивах неверующих и колеблющихся – 23,3 % и 31,5 %, соответственно. Далее, 23,2 % респондентов указывают на необходимость «учиться у состоятельных людей и перенять опыт как разбогатеть». Процентные параметры по образовательным подмассивам почти равны (каждый пятый опрошенный), возрастной срез показывает, что каждый четвертый опрошенный в подгруппе 15–25 лет включительно позитивно относится к состоятельному слою и готов «учиться», однако демонстрирующих положительный настрой меньше в интервале 26–35 лет (12,2 %); по месту проживания, обозначивших личное отношение к богатым как «с интересом, можно у них учиться стать успешным человеком», в 2 раза больше среди городской молодежи (30,4 %), в сравнении, с сельской (15,8 %). При этом 22,8 % опрошенной молодежи демонстрирует безразличное

отношение к богатым людям, здесь выделяются мужчины (25,8 %), женщин меньше (17,4 %), с возрастом и уровнем образования доля таковых уменьшается с 25,9 % в разрезе 15–17 лет до 14,3 % 26–35 лет, с 25,9 % имеющих среднее образование до 13,1 % с высшим образованием. Дальнейший анализ показывает, что 15,3 % опрошенных по всему массиву, среди них 23,5 % в интервале 15–17 лет, одна шестая часть по всех образовательных подгруппах, 16,7 % городской и 12,8 % сельской молодежи демонстрируют благожелательность к богатым людям («с уважением, они смогли добиться своей цели»). Варианты ответов «с неприязнью, они честным трудом не заработали свое богатство», «с презрением, они жадные, не хотят помогать бедным и больным», «с завистью» отмечены статистически незначимой частью опрошенного молодого поколения дагестанцев – 2,3 %, 1,6 % и 1,4 %, соответственно.

Естественно, что социальные группы с различным уровнем дохода имеют неравные стартовые возможности, условия для удовлетворения своих потребностей и этот аспект также нашел свое отражение в данном исследовании (см. табл. 2).

Таблица 2 – Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, какие отличия существуют между богатыми и бедными людьми?» (можно отметить несколько вариантов ответов, %)

Table 2 – Distribution of answers to the question "What do you think are the differences between rich and poor people?" (several possible answers can be noted, %)

Варианты ответов	%
Возможностью получить хорошее образование	28,6
Возможностью получить качественное медицинское обслуживание	36,3
Возможностью трудоустроиться, делать карьеру	25,8
Возможностью купить дорогую мебель, бытовую технику, машину	34,4
Возможностью иметь хорошее жилье	37,4
Возможностью тратить много денег на проведение свободного времени	39,9
Возможностью дать детям лучшие стартовые условия (образование, медицина, работа, жилье и т.д.)	51,0
Возможностью приобретать недвижимость в других регионах и за рубежом	31,5
Уверенностью в завтрашнем дне	20,8
Уважительное отношение со стороны окружающих	11,7
Завистью со стороны окружающих	10,0
Страхом за свое богатство, членов семьи (детей, родителей)	8,8
Угроза физического насилия	4,7
Затрудняюсь ответить	11,4

Эмпирический материал показывает, что 51,0 % респондентов усматривают отличие в возможности «дать детям лучшие стартовые условия (образование, медицина, работа, жилье и т.д.)». Внутригрупповое сравнение констатирует преобладание придерживающихся данной позиции в возрастном разрезе 15–17 лет (60,5 %), больше половины опрошенных во всех образовательных подмассивах, за исключением когорты со средним специальным образованием (41,6 %), заметно большая часть городской молодежи, в сопоставлении с сельской – 56,7 % и 45,8 %, соответственно. Преимущество богатых людей опрошенные усматривают в возможности «тратить много денег на проведение свободного времени» (39,9 %) и «иметь хорошее жилье» (37,4 %). Данное обстоятельство актуально для молодого поколения, ибо создание семьи и появление потомства актуализирует жилищный вопрос. К сожалению, стоимость жилья, покупка квартиры, строительство дома несет огромные материальные затраты, которые молодежь не в состоянии осилить. Более того, анализ рынка недвижимости свидетельствует в целом о неблагоприятной ситуации в данной сфере и положение в ближайшее время вряд ли измениться в лучшую сторону. Предоставляемые государством льготы и условия покупки жилья не способны эффективно решить жилищный вопрос, поэтому респонденты и акцентируют на этом внимание. Реформирование медицинской сферы, так называемая оптимизация, имело больше деструктивных последствий, чем позитивных, поэтому для 36,3 % опрошенных актуализировано получение качественной медицинской помощи. Особенно сильно возрастает

потребность в ней на фоне сложной ситуации с обеспечением сельского населения качественными медицинскими услугами и отсутствия необходимой медицинской аппаратуры для обследования.

Различие между состоятельным и бедным человеком состоит в том, что первые могут приобрести «дорогую бытовую технику, машину, дорогую мебель, брендовую одежду и т.д.» считает 34,4 % опрошенных. Разумеется, современное потребительское общество диктует иную модель потребления, и когда есть выбор, естественно, что человек ориентирован на приобретение качественной продукции и у богатых людей возможностей больше, по сравнению, с прослойкой с низким уровнем дохода.

Изменение экономического уклада современного российского общества сформировало специфическую форму взаимоотношений и уровень потребления. Индикатором измерения состоятельности человека стало наличие не просто жилья, причем в престижном районе, но и зарубежной недвижимости. На данное обстоятельство указывают 31,5 % респондентов, усматривая различие между различающимися по уровню материального положения социальными слоями, в возможностях богатого человека приобретать недвижимость в других регионах и за рубежом. Среди предложенных 14 вариантов ответов, возможность состоятельного человека получить качественные образовательные услуги занимает 7 место. Дагестанская молодежь активно выезжает для получения образования за пределы республики, подчеркивается престижность «российского» образования, особенно важно прохождение магистратуры и ординатуры в центральных федеральных образовательных и медицинских центрах. Сложно получить бюджетные места, а обучение требует вложений, причем существенных, что отражается на финансовом положении семьи.

Трудоустройство является еще одним из сложных и болезненных вопросов для дагестанского общества. Молодое поколение подчеркивает невозможность найти применение по выбранной профессии, часто вынуждая выпускников колледжей и вузов пополнять ряды безработных или же соглашаться на работу не по специальности. Последствия предсказуемы, во-первых, невозможность личностной самореализации, во-вторых, опасность утраты квалификации, в-третьих, появление неуверенности в собственных силах – все эти факторы способны отразиться на эмоциональной составляющей молодого человека. Далее, по мнению 20,8 % опрошенных, различие между богатыми и бедными заключается в отсутствии у вторых, «уверенности в завтрашнем дне». Естественно, финансово обеспеченный человек, не испытывающий материальных затруднений, меньше задумывается о каких-то проблемах, ибо наличие денег и богатства позволяет ему быстрее и легче решать возникающие проблемы, в сравнении, с бедной социальной группой.

Разумеется, появление в отношении состоятельных людей как позитивных, так и негативных эмоций: по мнению 11,7 % опрошенных, наличие богатства обеспечивает уважение со стороны окружающих, 10,0 % молодого поколения дагестанцев указывает на наличие зависти со стороны окружающих – и обе позиции имеют право на существование. Далее, среди отрицательных отличий между богатыми и бедными, опрошенная молодежь выделила: 1. угроза физического насилия (4,7 %) и 2. страх за свое богатство и за членов семьи (8,8 %). В недавнем прошлом, в российском обществе распространение имели, хотя нередки случаи «отжима бизнеса», такие негативные явления как рэкет, шантаж, вымогательство и насилие в отношении состоятельных людей: тех, кто отказывался платить «дань», которую определяли преступные элементы, физически устраняли, распространение имело и рейдерский захват бизнеса.

Заключение

Как известно, из Дагестана мигрирует молодежь в поисках работы и самореализации. Можно утверждать, что выехавшее из республики молодое поколение, изначально ставившее целью продолжение образования (речь идет о выпускниках медицинских вузов) и повышение квалификации, подавляющей частью остается в крупных городах. Основная причина заключается в том, что молодежь за пределами республики востребована на рынке труда, в отличие от Дагестана, когда при трудоустройстве сталкивается с различными препятствиями и коррупционной составляющей. Разумеется, отток молодежи, причем квалифицированного ее слоя,

негативно отражается на экономической сфере, ибо Дагестан теряет квалифицированный кадровый потенциал. Смена места жительства обусловлена целым спектром нерешенных вопросов, в частности, неудовлетворенностью материальным положением, отсутствием перспектив социального лифта и поддержи со стороны государства.

Результаты опроса показывают характерность респондентам оценивать благосостояние как стандартное («мы живем как все – не бедные, но и не богатые»), при этом они не ориентируются на помощь со стороны и надеются только на личные силы и возможности в улучшении своего положения, поэтому подавляющая часть опрошенных готова рискнуть и «открыть свое дело». Позитивным является наличие в общественном сознании молодежи положительного отношения к богатым людям и такая установка есть основа стабильности во взаимоотношениях, то есть констатирует отсутствие почвы для протестов под лозунгами экономической несправедливости и неравенства. Кроме того, в нашем обществе появился потенциал для «финансового самоутверждения», когда социальная группа с низким образовательным статусом может заработать больше, по сравнению, с образованной прослойкой. Данное обстоятельство способствует формированию в общественном сознании молодого поколения дагестанцев уверенности в будущем, возможности обеспечить для себя и своей семьи относительно благополучную жизнь при отсутствии страха перед безработицей и остаться без средств существования.

Список источников

1. Петров А. В. Ценностные предпочтения молодежи: диагностика и тенденции изменений // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 83–90.

2. Возьмитель А. А. Объективные и субъективные характеристики успеха постсоветской столичной молодежи // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 4. С. 67–86. DOI: 10.19181/vis.2021.12.4.751.

3. Быкова С. Н., Чупров В. И. Молодежь России на пороге рынка: между бедностью и нищетой // Социологические исследования. 1991. № 9. С. 62–68.

4. Варшавская Е. Я. Молодежь, исключенная из сферы занятости и образования, в странах ЕС и России // Вопросы статистики. 2015. № 4. С. 40–46.

5. Жаворонков А. В. Изменения ориентаций на виды трудовой деятельности с 1967 по 2016 г. // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 15 / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2017. С. 109–133.

6. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. Второе изд., испр. и доп. М.: ЦСПиМ, 2010. 592 с.

7. Козырева П. М., Смирнов А. И. Российская молодежь на рынке труда в условиях экономического кризиса // Россия реформирующаяся : ежегодник: вып. 15 / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2017. С. 49–71.

8. Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Молодежь, рынок труда и экспансия высшего образования // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 38–48.

9. Тихоцкая И. С. Изменения в жизненном цикле японцев и место молодежи в современном обществе // Выпуск XXXII. История и культура традиционной Японии / Под ред. И. С. Смирнова, отв. ред. А. Н. Мещеряков. М.: Наталис, 2010. С. 455–468.

10. Темницкий А. Л. Современная молодежь в перипетиях российского рынка труда и образования // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 15 / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2017. С. 91–108.

11. Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: Издательство Института социологии РАН, 1998. 696 с.

References

1. Petrov A. V. Value preferences of youth: diagnostics and trends of changes. *Sociological research*. 2008; (2):83–90. (In Russ.)

2. Priemitel A.A. Objective and subjective characteristics of the success of post-Soviet metropolitan youth. *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2021;(12-4):67–86. DOI: 10.19181/vis.2021.12.4.751. (In Russ.)

3. Bykova S.N., Chuprov V.I. Youth of Russia on the threshold of the market: between poverty and poverty. *Sociological research*. 1991;(9):62–68. (In Russ.)

4. Varshavskaya E. Ya. Youth excluded from employment and education in the EU and Russia. *Statistical issues*. 2015;(4):40–46. (In Russ.)

5. Zhavoronkov A. V. Changes in orientations on types of labor activity from 1967 to 2016. *Reforming Russia:* yearbook: issue 15. Ed. by M.K. Gorshkov. Moscow: New Chronograph; 2017:109–133. (In Russ.)

6. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. *Youth of Russia: a sociological portrait*. Second ed., revised and supplemented. Moscow: TSSPIM; 2010. 592 p. (In Russ.)

7. Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Russian youth on the labor market in the conditions of the economic crisis. *Russia reforming*: yearbook: issue 15. M.K. Gorshkov (ed.). Moscow: New Chronograph; 2017:49-71. (In Russ.)

8. Konstantinovsky D. L., Popova E. S. Youth, labor market and the expansion of higher education. *Sociological research*. 2015;(11):38–48. (In Russ.)

9. Tikhotskaya I. S. Changes in the life cycle of the Japanese and the place of youth in modern society. *Issue XXXII. The history and culture of traditional Japan.* Edited by I. S. Smirnov, ed. by A. N. Meshcheryakov. Moscow: Natalis; 2010:455–468. (In Russ.)

10. Temnitskiy A. L. Modern youth in the vicissitudes of the Russian labor market and education. *Reforming Russia*: yearbook: issue 15. Ed. by M.K. Gorshkov. Moscow: Novy Chronograph; 2017:91-108. (In Russ.)

11. *Sociology in Russia.* Edited by V.A. Yadov. 2nd ed., reprint. and supplement. Moscow: Publishing House of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; 1998. 696 p. (In Russ.)

Информация об авторе

М. М. Шахбанова – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Отделение кафедры ЮНЕСКО по компаративным исследованиям духовных традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога по Северному Кавказу.

Information about the author

M. M. Shakhbanova – Dr. Sci. (Sociology), Chief Researcher, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Division of the UNESCO Chair for Comparative Studies of Spiritual Traditions, the Specificity of Their Cultures and Interreligious Dialogue in the North Caucasus.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 16.01.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2025; принята к публикации 25.02.2025.
The article was submitted 16.01.2025; approved after reviewing 24.02.2025; accepted for publication 25.02.2025.